

«Город да станица...»

По предписанию Императрицы

*К 300-летию со дня рождения
Императрицы Елизаветы Петровны.*

*К 280-летию со дня рождения
Александра Васильевича Суворова.*

*К 260-летию со дня повеления
Елизаветы строить на Дону таможеню –
основание города Ростова-на-Дону.*

РОСТОВ - НА - ДОНУ

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. К. ЕРМОЛЕНКО**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

«Против урочища*, называемого Богатый колодец».....	8
Крепость.....	22
«Я приехал на донском скакуне».....	39
Ростов не сразу строился.....	54
Звезда Елизаветы.....	64

*Встречающиеся в тексте термины поясняются в словаре в конце книги.

В первой декаде сентября ростовчане отмечают День любимого города.

Праздничный салют, проходящие на открытых площадках концерты и просто хорошее настроение горожан создают неповторимую атмосферу тёплых вечеров ранней осени.

Но все ли мы знаем, как и почему был основан Ростов-на-Дону?

Все ли ростовчане знают, что Ростов вполне мог называться Дмитриевском?

А сколько различных интересных дат в истории нашего города могут претендовать на официальный день рождения!

Какую выбрать?

Начало постройки в 1761 году крепости Святого Дмитрия Ростовского или образование в 1797 году Ростовского уезда с центром в этой крепости?

Возникновение на его территории временных поселений в 30-40-х годах XVIII века или учреждение в 1749 году Темерницкой таможни?

Или утверждение в 1811 году первого городского плана и герба Ростова?

Или же, наконец, обратить внимание на тот Ростов-на-Дону, который был до Ростова-на-Дону – скифов, сарматов, и... кто там ещё?

Так что же считать за начало города?

Наиболее верное решение (по мнению историков) – вести летопись от Указа императрицы Елизаветы Петровны – 15 декабря 1749 года она учредила государственную Темерницкую таможду.

А если царица подписала Указ в декабре, то что же мы празднуем в середине сентября?

Почему официальную дату основания с зимы перенесли на осень?

На последний вопрос краеведы обычно отвечают сразу: во-первых, зимой отмечать День города холодно.

(Хотя – Новый Год и масленицу – отмечаем же. А уж если переносить, так лучше бы на лето или на конец мая, как в Питере, – не такие уж вечера ранней осени и тёплые, вообще-то...)

А во-вторых, именно осенью и была заложена мощная оборонительная крепость.

(Но ведь не в 1749 году, а в 1761...)

Так что ответы даже на этот, последний вопрос, не совсем исчерпывающи.

А уж на другие требуют много более обстоятельных объяснений.

В Государственном архиве нашей области хранится фонд крепости Святителя Димитрия Ростовского. К сожалению, дошли до сегодняшнего дня далеко не все документы – лишь часть. Сохранившееся охватывает хронологический период с 1761 по 1816 год (92 дела).

Среди них – Высочайшие Указы; Указы Государственной военной коллегии и правительственного Сената; книги приказов комендантов; рапорты провиантской комиссии; инженерной, ракетной и комиссариатской команд; ведомости о состоянии частей гарнизона и многое другое.

В фонде сохранено письмо Суворова обер-коменданту крепости – 10 апреля 1784 года он сообщает о признании Турцией прав России на территорию Крыма и Кубани.

С ростовским берегом Дона связано многое и разное.

Ещё раньше, до Суворова, в 1768 году, бывал здесь прославленный русский адмирал Алексей Сенявин – создатель Азовской военно-морской флотилии.

У Гнилой Тони он выбирал места для строительства верфи и эллингов (в районе нынешнего Будёновского проспекта). Говорят, что и Синявская слободка названа в его честь (фамилию Сенявин писали и как **Синявин**).

Именно здесь великий русский учёный Иван Павлов открыл сердце будущей жене.

Именно здесь был принят первый радиосигнал изобретателя Александра Попова.

Именно отсюда уходил в своё первое плавание причисленный ныне к лику святых русский флотоводец Фёдор Ушаков – он служил на праме № 5, охранявшем в составе Азовской флотилии устье Дона,

потом был произведён в лейтенанты и командовал четырьмя транспортными судами.

В историю Димитревской крепости вписал яркую страницу генерал-фельдмаршал граф Пётр Иванович Шувалов – представитель знаменитой династии талантливых царедворцев. Старший его брат Александр – начальник тайной полиции; брат двоюродный Иван – основатель Московского университета и сердечный друг Елизаветы.

А Пётр Шувалов учредил первый русский банк – Купеческий, а затем Местный, с помощью которых осуществил успешную реформу медных денег.

Занимался артиллерией. Это при его, шуваловской, поддержке были введены в русской армии гаубицы-единороги. Они назывались так по фигурке мифического зверя, который красовался на графском гербе. Эти пушки произвели фурор в Семилетнюю войну. Подобной техникой не могло похвастаться ни одно государство! Такие орудия были установлены и на валах нашей крепости.

А в крепостном соборе хранились дары Петра Ивановича – очень красивые серебряные чаши и блюда с дарственной надписью.

Дальнейшая их судьба неизвестна – считается, что украли.

Итак, императрица Елизавета Петровна, генералиссимус Александр Суворов, граф Пётр Шувалов, адмирал Фёдор Ушаков...

Чьи ещё имена связаны с рождением будущего города?

«ПРОТИВ УРОЧИЩА, НАЗЫВАЕМОГО БОГАТЫЙ КОЛОДЕЦ»

...Тёплым майским днём 1696 года головной корабль петровской флотилии подошёл к реке Темерник.

В устье Безымянной балки (позже её стали называть Темерницкой) Пётр расположил свой флот и обустроил временную верфь.

Как ни спешил царь к Азову, флотилии нужна была передышка. И лучшего места, чем небольшая естественная гавань при впадении Темерника в Дон, не нашлось.

Отметим, что эта небольшая речка сыграла в истории Ростова, можно сказать, решающую роль.

Именно слияние рек – самое южное в движении к Азовскому морю – предопределило появление здесь петровской гавани, а позднее – торговой таможни и порта.

А ещё позже – и крепости Святителя Димитрия Ростовского. Здесь находился последний участок высокого донского берега – ниже основное русло большой реки, как тогда говорили, «расплеталось» рукавами.

...Пётр осмотрел высокий берег. Его взгляду непривычны были огромные пустынные пространства. Под Москвой – леса. А здесь – простор... Эта дикая красота безудержно манила к себе и – уже не отпускала...

Царь спустился к Дону.

На одном из склонов, ниже огромного оврага, почти у самого берега из-под земли вырывалась мощная

струя. Как писал историк Ростова Л. Крещановский, этот ключ *«бил большим снопом воды и производил большой шум»*. По «сказанию предания», Петру поднесли ковшик ключевой воды. Он выпил, вытер губы и благостно изрёк: «Богатый колодезь!»

Но, вообще-то – это лишь «сказание предания», по сути – красивая легенда. Официальная наука история не подтверждает подобного факта.

До нас дошло немало путевых заметок участников второго Азовского похода с подробными описаниями продвижения русского флота по Дону к Азову – со всеми остановками и привалами, но о стоянке у Темерника никаких упоминаний нет.

Но может быть, такая недоговорённость диктовалась определёнными позициями дипломатии?..

Зато по рассказам ростовских старожилов, которые собрал наш архитектор-краевед Андрей Зимин (а они передавались из уст в уста), вот здесь вот, в самом центре современной Южной столицы, на территории нынешней бумажной фабрики напротив редакции нынешнего «Вечернего Ростова», под огромным вековым дубом царь раскинул свою палатку.

Тот исторический дуб высылся ещё много лет!

Передышка была использована для последней подготовки кораблей. На рейде стояли 22 галеры, среди них – «Апостол Павел» и «Апостол Пётр» – гордость царя. Они были спущены на воду первыми ранней весной 1696 года. Рядом красовались другие галеры. Андреевского флага с косым крестом на них пока ещё не было – на мачтах трепетали вымпелы.

Россия готовилась к сражению с противником – иноверцем, поэтому имена христианских святых были призваны на помощь русскому оружию.

(Не случайно, конечно, и редуты крепости Димитрия Ростовского, которая встанет здесь через 65 лет, тоже носили имена святых.)

По свидетельству того же Крещановского, царь не раз посещал Темерницкое поселение, находясь под Азовом во время его осады. И после победы, возвращаясь домой, также сделал здесь привал.

Многие историки основной заслугой первого российского императора считают создание военного флота.

И до того у нас были неплохие суда – и торговые, и боевые. Но вот Россия, наконец, чтобы *«ногою твёрдой стать у моря»*, создала регулярную морскую армию.

А раз есть флот, то требовалась и инструкция по его управлению и использованию в бою. И уже в пути по Дону царь работает над первыми правилами корабельной службы – «Указом по галерам».

Указ был закончен 8 мая 1698 года.

Он и стал основой первого «Морского устава». Позднее Пётр его дополнит.

«И уже не суетная явилась надежда быть совершенному флоту морскому в России, когда сам Российский монарх стал корабельным архитектором, как вскоре и делом самим показалось» – это строки из «Морского устава».

Создавался Устав по мере движения флота по Дону... Так и хочется сказать – под Ростовом, вот только Ростова тогда ещё не было!

Основы суворовской «Науки побеждать» были заложены на Юге России, под крепостью Святителя Димитрия Ростовского. Мы можем гордиться, что и основа главной книги, регулирующей жизнь военного флота в XVIII столетии, была написана также на нашей земле!

Во время движения по Дону и на Темерницкой стоянке флотские экипажи (кроме основной своей работы) обучались премудростям морского боя, получали последние инструкции и распоряжения.

...Сбывались мечты царя-реформатора, которому в ту пору было всего-то – 24 года.

Велико было значение Северной войны, во время которой Пётр *«прорубил окно в Европу»*.

Но ведь в «окно» – не входят и не выходят...

На Юге Россия прорубила «дверь». И не только в Европу, но и во весь остальной мир – XVIII век сделал её великой державой. Статус этот Россия завоевала в победоносных войнах с Османской империей, вассалы которой – крымские татары и ногайцы – не одно столетие терзали набегами русские земли.

Здесь, на Юге, Россия обрела свою подлинную мощь.

И в этих успехах, безусловно, сыграли свою выдающуюся роль петровский морской флот и южный форпост на нижнем Дону – крепость Димитрия Ростовского.

В ту пору, когда останавливался у Богатого источника Пётр, никаких основательных поселений, тут, собственно, не было. Только ниже по Дону, в устье Темерника, стояло три больших дощатых барака и несколько палаток – русский «гошпитальный двор». А на самом Темернике, километрах в двух от его устья, стучали молотки плотников – чинили галеры, искалеченные турецкими ядрами.

Да на левом берегу Дона виделся в знойном мареве курган Кобяк-Салган (по преданию – некогда ставка Тамерлана), а тогда – пограничный знак между Русью и Турцией (это как раз там, где сегодня расположен город Батайск).

Близ источника решили заложить крепость, но – не пришлось.

После неудачного Прутского похода 1711 года Россия была вынуждена отдать туркам Азов, гирла Дона, скрыть укрепления в Таганроге и в других южных форпостах страны.

И был введён таможенный контроль за ввозимыми и вывозимыми с Дона товарами.

В период с 1712 по 1736 год самым южным поселением на донском участке русско-турецкой границы являлся город Черкасск.

В 1730 году по указанию Анны Иоанновны на Васильевских буграх недалеко от Черкаска (ныне – Старочеркасск) на месте монастырского ретрашементы (возведённого ещё распоряжением Петра) по проекту и под руководством инженера Деколонга построили крепость с именем Святой Анны.

Но размещённая с 1731 года в крепости таможня не могла полноценно выполнять свои задачи – она находилась в стороне от донских торговых центров, и её контроль легко обходили приезжие торговцы, а на речных переправах возникали казачьи заставы.

Поэтому власти решили учредить другую пограничную таможню – близ устья Темерника.

В 1744 году рассмотрение вопроса поручили Сенату – Коммерц- и Камер-коллегиям, так как всё предполагалось построить по последнему слову техники.

Обычно историки указывают, что место для учреждения Таможни напротив урочища Богатый колодезь предложил в своём ходатайстве наказной атаман Данила Ефремов.

Это почти так, но не совсем.

Правительство направило Ефремову грамоту для уведомления, а основать таможню поручалось «главнокомандующему» крепости Святой Анны генерал-майору барону Родиону (Ридигеру) Кондратьевичу фон Веделю. Тогда – самому высокопоставленному представителю государства в Донском крае.

Исходя из некоторых данных, считают, что именно барон фон Ведель первым предложил Даниле Ефремову в 1749 году учредить таможню возле Богатого колодца. Он же и осуществил это.

Возможно, именно этот человек, незаслуженно обойдённый вниманием донских краеведов, и является основателем Ростова.

Почему именно здесь?

Потому что сначала, по Указу Елизаветы Петровны от 18 августа 1749 года, таможню собирались построить в городе Черкасске.

Но казакам для их коммерческой деятельности это было просто смерть, так как ещё в 1615 году они получили от царя право на беспошлинную торговлю и в течение века последовательно отстаивали эту свою привилегию.

В Черкасске Войско Донское взимало с торговцев собственные пошлины, поступавшие в войсковую казну; и появление там государственной таможни привело бы к сокращению торговых оборотов и угасанию черкасского рынка – купцы просто перестали бы туда ездить из-за удвоения налогов.

Поэтому очередная попытка царских чиновников ограничить торговые обороты вызвала серьёзное недовольство – в Петербург полетели многочисленные жалобы. В конце концов, наказной атаман Ефремов в личном письме попросил государыню не строить госучреждение в Черкасске (в архиве Елизаветы сохранилась дата получения ефремовского ходатайства – 23 ноября 1749 года).

И вот поэтому-то, 15 декабря 1749 года, и был издан новый Указ:

«Божиею милостию Мы Елисавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. На Дон в нижние и верхние юрты Нашим Атаманам и казакам. Войсковому Атаману Даниле Ефремову и всему Нашему войску Донскому... учредить таможню русскую на Дону, у устья Темерника, против урочища, называемого Богатый колодец, где и донские казаки могут вести свою торговлю с приезжими греками, турками и армянами...».

Надо отдать должное Елизавете, так удачно отметившей своё прежнее распоряжение и переместившей таможню к Темернику.

Конечно, само место, на котором стоит Ростов, требовало здесь крупного города. Но, как это часто бывает в истории, большие события обусловлены многими факторами, в том числе и личностными.

Да и *«покойный батюшка ныне здравствующей государыни тоже сие урочище облюбовывал»*.

Ну а решающим фактором для выбора места стало то обстоятельство, что уже годом ранее именно здесь и собирались строить новую крепость – русские военные инженеры давно уже усиленно искали место для создания мощного укрепления.

Проекты получили одобрение, и гарнизон Аннинской крепости перевели к Богатому источнику.

Вот эту дату, повторимся, 15 декабря 1749 года, – официальное учреждение таможни на Темернике – и считают традиционно днём рождения Южной столицы.

Не все краеведы соглашаются с подобной трактовкой, но об этом мы поговорим в другой главе.

Во всяком случае, именно елизаветинская таможня дала толчок к оживлению торговли в Приазовье, а, вследствие этого, быстрому притоку населения и торгового люда на нижний Дон.

И что самое важное, это первый официальный исторический документ, положивший начало формированию будущего города Ростова-на-Дону.

А фон Веделе сведений нет, а вот что мы знаем о наказном атамане войска Донского Даниле Ефреме-ве?

Тоже очень мало.

Родился на Дону в семье московского купца Ефрема Петрова в 1690 году, умер в 1760. Атаманом был 15 лет – с 1738 по 1753 год.

В 17-летнем возрасте безусый ещё казак Данила в составе отряда донцов дрался со шведами. В 1727 году уже служил в звании полковника. К 1734 году благодаря доблести, уму и дипломатическому таланту, сумел выделиться из среды донских старшин.

17 мая 1738 года Анна Иоанновна пожаловала Данилу Ефремовича званием донского войскового атамана.

Максимум усилий прилагает наказной атаман для отражения многочисленных набегов крымских и кубанских татар, приносивших на донские просторы смерть и огонь. Его стараниями укреплялись старые и строились новые городки (станции) по всей южной укрепленной линии. В конце 40-х Ефремов пожертвовал много средств на постройку донских церквей, а также для Киево-Печёрской Лавры.

С 1753 года Данила Ефремович прихварывает, и его должность занимает сын Степан. Однако Елизавета оставляет Ефремова самым влиятельным человеком на Дону, впервые присвоив донскому атаману чин генерал-майора российских войск. Вот в эти-то годы по ходатайству генерал-майора и была открыта Темерницкая таможня – укреплялось южное порубежье.

Уже в зрелом возрасте, в 1758 году, Данила Ефремов, командуя полками, принимал участие в Померанской компании, за которую первым на Дону удостоен высокого гражданского чина – тайного советника.

Наказной атаман Данила Ефремов оставил после себя неувядающую славу.

И сегодня радует глаз великолепное атаманское подворье в Старочеркасске – дворец и церковь. Ныне – Музей донского казачества.

...Итак, Указ подписан.

Первым директором (или комендантом?) нового строительства был некто Чернцов. Данных о нём практически нет.

Таможню начали возводить не прямо у Богатого Колодезя, а двумя с половиной верстами ниже – на левом берегу Темерника, близ его устья, на месте остатков древнегреческой крепости.

Это наглядно изображено на реставрированном плане 1751 года (его называют первым планом города Ростова-на-Дону).

Место было уже отчасти знакомое, разведанное. Опять же, бывшие петровские военные лагеря, временная верфь... Были здесь и рыбацкие поселения, и охотничьи, а в 1713 году устроен Темерницкий форпост – казачья застава.

Так же, по имени реки, и была названа таможня.

Строилась она спешно.

Из добротных брёвен клали срубы под склады, рыли землянки, сооружали причал. Собирались осесть здесь надолго, хотя место было беспокойное, ненадёжное, открытое набегам с «Дикого поля».

Весной 1750 года у Богатыновского источника уже готовы казармы для солдат гарнизона, само здание торговой таможни, добротная пристань, карантин.

Во имя Святого Николая Чудотворца была освящена часовня. В 1761 году эту часовню убрали, так как

она, к сожалению, оказалась на месте возведения новых крепостных стен. Но её не уничтожили, а перенесли внутрь крепости и сделали церковью Святого Димитрия Ростовского.

К осени на пустынном берегу у Богатого источника поднялся посёлок.

Был он небольшим: число жителей не превышало за период с 1749 по 1761 год тысячи человек – в основном это были семейства солдат из крепости Святой Анны. Их жилые дома и казённые пакгаузы для товаров стали своего рода первой планировкой будущего Ростова.

Население в основном занималось куплей-продажей, так как царское правительство не приветствовало занятие населения земледелием под предлогом того, что крепость находится у самой границы.

Прежде всего, государству требовалось развивать торговлю, и этим увеличивать доходы казны. Коменданту было предписано «приличными способами» содействовать росту коммерции.

Темерницкий порт стал воротами России на Юге. По тому времени это было единственное место, через которое наше государство могло вести морскую торговлю со странами Чёрного и Средиземного морей.

И помимо всего прочего, в районе таможни была самая удобная речная переправа на Кавказ.

Вот так в устьях Дона зарождалась и организовывалась южнорусская торговля.

При проходе турецких крепостей и таможенных застав турки взимали с товаров произвольные, очень большие суммы.

Правительство же, сильно заинтересованное в развитии южнорусского заморского негоциантства, не раз обращалось с призывом к богатым купцам провозить товары через Азовское море и сулило им разные льготы и покровительство.

Наконец, на этот призыв откликнулись *«люди разного звания»*. К примеру: *«московский первой гильдии купец шёлковой мануфактуры и заводу содержатель Василий Хастатов, калужский первостатейный купец Никита – сын Шемякин и ярославский первостатейный купец – Алексей Ярославцев»*. Особенно известен был у нас на Дону Василий Макарович Хастатов, выходец из астраханской армянской диаспоры.

Они (*«Для вызывания к производству торговли от Темерниковского города через Чёрное море»*) основали в 1756 году *«Российскую в Константинополь торгующую коммерческую кампанию»* и открыли конторы в Москве, в Темерницкой таможне и в Константинополе.

Обер-директором назначили Хастатова.

Указом от 24 февраля 1757 года *«Коммерческой кампании...»* была выдана привилегия на право исключительной торговли с Константинополем и другими портами Чёрного и Средиземного морей.

Сбывали за границу к тому времени уже не только холсты, масло да икру, но и железо и чугун – с уральских заводов.

Но население было всё равно ещё очень малочисленным.

Побывавший в 1760 году в Темерницком порту Хастатов, сообщал в *«просительном письме»* госуда-

рыне Елизавете Петровне, что *«нашёл... сей порт без всяких жителей и поселений, а только на открытой степи одну стоящую ветхую казённую таможду, где не производились товарам продажи ни же отпуски оным, да и купцы тамо не бывали...»*

Перед властями встала задача: таможду необходимо основательно защитить, иначе торговый люд там надолго не задержится. Надо строить редут!

И вот так, возведённая в 1749 году при урочище Богатый колодезь, Темерницкая таможня уже как бы сама собой предполагала рядом соседство хорошего укрепления.

Строительство крепости свидетельствовало о серьёзных намерениях русского правительства – создать мощный форпост на Юге, опорный пункт для освоения новых земель и дальнейшего вытеснения кочевых народов, угрожающих границам России.

Это был ещё один шаг на пути в Приазовье и далее – к Чёрному морю.

Для защиты всего Нижнего Дона от набегов турецких и крымских орд, а также *«чтобы держать в страхе донских казаков»* было начато широкое строительство будущей крепости.

Назвали её в честь известного церковного деятеля петровских времён. Военная коллегия, готовящая Указ о закладке крепости на Дону, запросила Зимний дворец, как оную наименовать. *«Димитрия Ростовского»*, - был ответ императрицы. Указом от 13 октября 1761 года она закрепила это название.

Мы не станем в нашем повествовании касаться личности самого Святителя.

А всем, интересующимся его необычной судьбой, предлагаем ознакомиться с изданной в нашей библиотеке книгой «Откуда Ростов пошёл есть...»

Новая крепость обозначила исторический центр города Ростова-на-Дону.

23 сентября 1761 года состоялась её торжественная закладка.

Нельзя отрицать тот факт, что наш город образовался и вырос в столицу Юга России благодаря купечеству и торговле. Именно здесь, на перепутье Востока и Запада, на берегу широкого полноводного Дона, который даже зимой замерзает всего на несколько недель, начали селиться негоцианты.

В Ростове строятся разнообразные здания, закладываются улицы. К середине XIX века их насчитывалось уже 14.

А первые улицы-спуски (которые существуют и по сей день) и появились-то в Ростове для того, чтобы удобнее было поднимать в город привезённые на кораблях по реке товары.

(Кстати, улица, на которой сегодня находится наша библиотека, именуется «Темерницкая» из-за её пологого и удобного спуска к речке Темерник. Она несколько раз меняла своё название, но к настоящему времени историческая справедливость восстановлена.

А несчастный наш Темерник от природы был Тимурником – дивной кристальной глубокой речкой, осенённой густейшими кущами, где охотился когда-то свирепый эмир – Тимур, Тимур-ленг, Тамерлан.)

И вот такая стабильность и защищённость Приазовья от турецких набегов привели к тому, что торговые обороты Темерницкой таможни очень неплохо возросли.

Сохранились коммерческие отчёты тех лет: если в 1758 году оборот составлял 86 989 рублей, то в 1762 – уже 240 220 рублей!

Историк отечественной экономики Михаил Чулков писал, что, Темерницкий порт в 1762 году посетило 26 судов, на которых греческие, болгарские и турецкие купцы привезли не только товары, но даже и своих родственников. Многие из них здесь и остались. В 1768 года население крепости составляло свыше пяти тысяч человек.

Это всего лишь через два года после «просительного письма» Василия Хастатова царице.

Видимо, место у Богатого колодца было такое приятательное...

КРЕПОСТЬ

Крепость Святого Димитрия Ростовского вошла в российскую историю как самая мощная и самая крупная из южных форпостов своего времени.

Строили её долго и трудно.

С осени 1761 года развернулись большие строительные работы.

Шли они тяжко.

Не хватало продовольствия и денег.

Так, в одном из документов от 15 июня 1762 года говорится:

«С вступлением в работу прошлого 1761 г. декабря 17-го числа в силу указа, заработные деньги поныне ниоткуда не получали и будучи в той работе платьем и прочим весьма оборвались, что уж в работу ходить в одежде в такой мороз не могут».

Тревожили строителей и набеги крымских татар и черкесов.

Район будущей крепости пересекали перпендикулярно к Дону глубокие балки, для засыпки которых потребовались десятки тысяч возов земли!

Бесконечной вереницей подвозили телеги землю, засыпали балки. А начинались дожди – бурные потоки начисто смывали насыпи...

Из-за овражистой местности пришлось береговую часть крепостной ограды строить, отступив от первоначального плана.

Камень ломали у Богатого источника, лес рубили в Леонтьевских и Глухих буераках – на Миусе и Кальмиусе. В то время берега этих рек были покрыты дубравами и дремучими зарослями бука и граба. Лес рубили, сплавляли плотами по Миусу почти до лимана, оттуда на лошадях и волах везли в крепость.

Уже к 1762 году с напольной стороны (со стороны поля) было насыпано семь редутов.

Поручено строительство новой крепости было одному из крупнейших инженеров того времени (впоследствии генералу русской армии) Александру Ивановичу Ригельману.

Его отец, немецкий дворянин, прибыл в Россию в начале XVIII века, заинтересованный деяниями мо-

лодого царя. Александр родился в Петербурге в 1720 году. Окончил шляхетский корпус (по специальности военный инженер) и до 1760 года принимал участие в перестройке ряда крепостей: Кизляра, Астрахани, Царицына, Ишима и других.

А начинал он свою трудовую деятельность в разграничительной комиссии по установлению новой границы с Турцией.

Первый проект крепости предложил инженер Сипягин, но он не был утверждён точно так же, как и ещё шесть различных последующих, представленных к 1748 году.

Только через десять лет группа инженеров (Л. Голенищев-Кутузов, Д. Дебоскет, М. Деденёв, С. Козьмин, М. Мартынов, М. Мордвинов и другие) выработала окончательное решение.

Последний проект при урочище Богатого колодезя был выполнен петербургским инженером И. Веденевым, при этом переделывался несколько раз.

Предлагалось сразу два этапа строительства.

Первый (временный) предусматривал строительство крепости из камня (стоимость 674 с лишним тысячи рублей). Согласно второму (непременному, стоимость почти 439 тысяч рублей) укрепления должны были быть земляными, но *«в одинаковых линиях, дабы в последствии удобно переделать»*.

Общая стоимость постройки исчислялась в сумме свыше одного миллиона ста тысяч рублей – по тем временам цифра просто фантастическая.

К поставленной задаче петербуржец Ригельман отнёсся со всей серьёзностью: *«сие указанное поселе-*

ние» должно полностью отвечать правилам современного военного искусства.

Участок, выбранный для строительства донской крепости, понравился столичному гостю: место ровное, сухое, открытое в жару задонским ветрам с прохладой.

Крепость строилась по временному этапу.

Непременный этап предполагал на земляных валах сооружение каменных стен с бойницами, но до этого дело не дошло, так как Россия к тому времени твёрдо закрепилась на южных рубежах и военных действий в районе не случалось.

Инженер-капитан Ригельман внёс в проект некоторые изменения.

Сразу же по его указанию (для строительства зданий) был специально в Кизитеринской балке заложен кирпичный завод. Балка эта очень глубокая, с изрезанными водой берегами. По-ногайски «кизитеригна» означает «пропавшая девушка». По легенде, девица сбежала с атаманом донских казаков Сары-Азманом.

С 1760 года судьба Александра Ригельмана связана с Нижним Доном – сначала он инженер по строительству, затем (с 1763 года по 1770 год) – руководитель инженерной команды крепости.

Позднее, с 1774 года, Александр Иванович Ригельман, инженер-генерал-майор, кавалер ордена Святого Георгия IV степени был главным специалистом по постройке других крепостей Приазовья и оберкомендантом построенной им Димитревской крепости.

Ушёл он с этого поста в отставку в 1782 году, лишь когда сюда приехал Суворов.

Ригельман известен не только как военный организатор, но и как автор исторических трудов.

До нас дошла «История, или Повествование о донских казаках».

А его «Ведомость и географическое описание крепости Святого Димитрия Ростовского» – самая первая книга о Ростове!

Жизненный путь его окончился в 1789 году.

По чертежам Александра Ивановича прокопали подземный ход, ведущий к Дону. Шёл он из самого центра крепости к Богатому источнику и предназначался для секретного выхода к реке на случай длительной осады, но крепость не знала штурмов. Позже эти разветвлённые ходы составили катакомбы под центром Ростова, до сих пор хранящие многие тайны.

Само имя Темерницкой таможни – по мере того, как растёт новая крепость – постепенно исчезает из официальных бумаг и заменяется названиями «Доломановский форштадт».

Таким образом, первое поселение – требует себе для защиты укрепления. А потом, когда укрепление устроено, – поселение превращается в его первое предместье.

Так возникают форштадты: в 1750 году – Доломановский или Казачий; в 1763 году – Полуденный; в 1765 году – Солдатский или Купеческий.

В пределах современного Ростова-на-Дону Солдатский форштадт ограничивался с восточной стороны проспектом Ворошиловским, с запада – Будённовским, с юга – улицей Шаумяна.

Доломановский был меньше Солдатского. Он тянулся от Будённовского проспекта до Доломановского переуллка, а со стороны Дона ограничивался Тургеневской улицей. К северу от улицы Шаумяна тянулась пустынная степь, прорезанная широкой Генеральской балкой, по дну которой струился Шапов ручей, впадавший в речку Темерник.

Застройка форштадтов имела регулярную планировку вдоль берега Дона, характерную для российских военных поселений XVIII века. Со временем эта планировка превращается в систему городских улиц и кварталов, их территория увеличивается, приближаясь к границам крепости. Разнообразнее становятся здания, обеспечивающие жизнь населения – ратуша, таможня и биржа с 52 магазинами и складами.

Берега Дона у форштадтов занимали Инженерный двор с пакгаузами и деловой двор Артиллерийского ведомства.

К Дону спускались выезды к таможне.

Центральная площадь располагалась на месте нынешнего Покровского сквера. Здесь находился Покровский собор, увенчанный восьмигранным барабаном и куполом. С запада к нему примыкала трехъярусная колокольня, а с юга – ещё одна небольшая церковь, перенесённая из Аннинской крепости. Она была совсем ветхая, поэтому рядом и возвели новый собор.

К концу XVIII века насчитывалось уже пять церквей: Соборная Покровская, Казанская, Николаевская, Рождество-Богородичная (в то время называлась Купеческой) и Всех Святых, а из 1120 прихожан штатскими были – всего 90 человек.

На центральную площадь обращены фасады главных административных зданий военного ведомства: дом коменданта, окружённый большим фруктовым садом; гарнизонная школа – в ней числилось 216 учеников; острог.

Рядом – 28 солдатских казарм, 4 артиллерийских и 7 провиантских пакгауза, гарнизонная канцелярия с башенными часами, жилые дома офицеров, купцов и ремесленников, военные госпитали, лавки, питейные заведения...

Ростовская крепость имела большое военно-стратегическое значение и представляла собой одно из самых выдающихся творений русского военно-инженерного искусства тех лет.

Окружённая высокими земляными валами и глубокими рвами с укреплённым контрэскарпом, она имела в плане оригинальную форму звезды, девять лучей-углов которой заканчивались редутами, оснащёнными мощными орудиями.

Редуты, расположенные по окружности от юго-западного до северо-восточного фронта, соединялись восемью рavelинами. Они имели свои названия: Свято-Донской, Святой Живоначальной Троицы, Святого Благоверного Князя Александра Невского, Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, Святой Мученицы Елизаветы, Святой Великомученицы Екатерины, Святого Апостола Андрея Первозванного и Святой Мученицы Анны.

Бастион крепости носил имя Святого Димитрия Ростовского.

Осенённые именами великих Святых, особо почитаемых на Руси, и освящённые по специальному чину,

крепостные стены и ныне, сокрытые в археологических слоях, хранят духовную историю нашего города, являясь его невидимой святыней.

Не случайно гарнизон не встречал серьёзных нападений и успешно участвовал во взятии Азова!

Редан находился и на нижней террасе у вошедшего в крепость Богатого колодезя, по сторонам размещались полубастионы Азовский и Черкасский.

Под реданами располагались Темерницкий и Аксайский редуты, ещё ниже – три батареи. Кроме того, в редутах были обширные подземные сооружения, перекрытые балками с накатом – пороховые погреба.

С запада в крепость вели Архангельские ворота, с востока – Георгиевские.

Бастионы закрывали все подступы перекрёстным огнём.

Окружность крепости превышала три с половиной километра, а общая площадь была около семидесяти десятин.

Прибрежное плато, занятое крепостью, возвышалось на 30 саженьей – 64 метра – над уровнем Дона. Вся цитадель занимала пространство, ныне ограниченное улицами Горького и Станиславского и переулками Нахичеванским и Чехова.

Внутри наметили сетку прямоугольных кварталов, разделённых улицами 10 и 5-саженной ширины, причём широкие улицы направлялись перпендикулярно к реке, с севера на юг. Всего было семь продольных и семь поперечных улиц. Центральная – проходила в сторону того, бывшего в заповедное время фонтаном, Богатого источника и получила

название Богатынговского переулкa (ныне проспект Кирова). К нему из Ростовской крепости вела дорога, там же вырос посёлок с одноимённым названием – Богатынговка.

Это была главная артерия, по которой и будущий город Ростов будет снабжаться чистой родниковой водой, правда, несколько жестковатой.

В обычные дни – к концу XVIII века – по Богатынговскому переулку проезжало до 500 водовозных бочек. Отсюда их пути растекались к Сенному базару, Покровской площади, Старому Собору, на Нахаловку и в Нахичевань. После постройки водопровода к 1914 году водопроводная сеть в Ростове составила 75 вёрст, и за сутки Богатый источник подавал около 600 тысяч вёдер!

У источника построили деревянную пристань.

Постепенно застраивались территории вокруг Терницкого форпоста.

Почти одновременно с крепостью росла слобода Долмановка (теперь это – Долмановский переулк). Жили здесь долмановские казаки (из числа слободских полуказачьих полков Аннинской крепости, «городовых» казаков, или долмановских), – они носили расшитый мундир, имевший вместо погон и эполет наплечные шнуры. Этот мундир назывался долманом. Впервые такая одежда возникла в Венгрии ещё в XVI веке как форма лёгкой кавалерии. В дальнейшем она перешла в другие страны.

В русской армии долман носили гусары, с 1741 по 1917 год.

К 1763 году строительство крепости Святого Дмитрия Ростовского не завершилось – оно было в са-

мом разгара и продолжалось ещё более трёх лет. Масштабные и трудоёмкие работы по возведению земляных укреплений шли медленно и окончились лишь накануне русско-турецкой войны 1768-1774 годов, хотя различные доделки тянулись далеко не один год.

Димитревскую крепость построили для решения определённой задачи: защиты Темерницкой таможни. Но приходилось служить и другим целям. В ней допрашивали и пытали казаков, осмелившихся пойти против царских порядков. Томились в крепостной тюрьме семья Емельяна Пугачёва и мятежный донской атаман Степан Ефремов – сын Данилы.

Крепость имела многочисленный гарнизон, 238 мощнейших орудий и на протяжении почти 50 лет являлась тыловой базой русских войск. Она была означена решать проблемы внутренней политики на юге России, и поэтому правительство выделило ей значительную земельную площадь.

Но с расширением южных и западных границ государству содержать такую цитадель стало накладно.

Разгром Суворовым в решительном сражении ногайских орд способствовал окончательному присоединению к России задонских степей и владений бывшего крымского ханства. С 1769 года территория Приазовья навсегда вошла в состав нашего государства. Юридически это было оформлено в 1774 году Кючук-Кайнарджийским миром. Турция вынуждена была предоставить у себя русским подданным полную свободу торговли.

Вот так, во второй половине XVIII века Россия превратилась в Черноморскую державу.

Началось возведение новой пограничной линии укреплений – от крепости Дмитрия Ростовского на Кубань и далее на Северный Кавказ.

И вот так вот, к концу октября 1783 года после завершения военных операций, крепость оказалась на значительном удалении от новой русско-турецкой границы, проходившей отныне по реке Кубани, и постепенно стала терять своё значение пограничного укрепления.

В 1835 году гарнизон и основное имущество перевели в Анапу.

К тому времени Димитревская крепость уже сильно обветшала, земляные валы разрушились.

По Высочайше утверждённому плану города 1845 года эти остатки срывались и застраивались.

В результате ничего из всех наземных земляных сооружений крепости – редуты, реданы, рavelины – не сохранилось.

Остался только холм редута Александра Невского на территории Первомайского парка (бывший Сад Летнего Коммерческого клуба).

И только название Крепостного переулка напоминает теперь о некогда грозной цитадели...

В 1776 году таможню из Темерницкого порта перенесли в Таганрог.

В начале XIX века Таганрогская портовая таможня становится главной на Азовском море, там складировались все товары и проходил транзит грузов. Та-

ганрогский порт занимал второе место после Одессы по объёму грузооборота.

В 1797 году образована Новороссийская губерния с 12-ю уездами.

Крепость Святого Димитрия Ростовского получает новое название: *«Ростовского на Дону уезда с управлением в крепости»*.

В правительственных актах наш город долгое время не имел своего названия. Так было и после образования Ростовского уезда.

Впервые же он назван, конкретно, Ростовом, в Указе Александра I от 17 августа 1806 года *«О переводе присутственных мест из Таганрога в Ростов»*. В последующем его стали называть Ростовом-на-Дону, в отличие от Ростова Ярославского.

А в 1811 году Ростову был утверждён герб и первый план уже существующего города.

Сохранился план крепости 1768 года, сделанный после полного завершения строительства. На плане хорошо видны квадраты поселений: к западу Доломановский и Солдатский форштадты – в них жили солдаты Аннинской крепости, к востоку – Полуденка и Купеческая слобода.

А ещё восточнее находился Нахичеван, насчитывающий в то время около трёх тысяч жителей.

В 1779 году, 14 ноября – 230 лет назад, по воле Екатерины Великой, на Дон было организовано переселение армянской общины из Крыма.

Переселенцам предлагалось основать город с названием Нахичевань (Нор-Нахичеван) в Полуден-

ном форштадте крепости Святого Димитрия Ростовского. А коренных полуденских жителей переселили, в связи с этим, в Солдатский форштадт, который переименовали в Купеческий.

Наступает новый период в истории Ростова – период существования ещё одного города, Нахичевани, на территории, прилегающей к Димитревской крепости.

В 1785 году для всего поселения учреждается «Городовая грамота», и крепость получает городское управление.

Ростовчане, увы, мало знают об истории крепости – давно осыпались буквы на памятном знаке на углу Крепостного и Большой Садовой...

А ведь мы каждый день ходим по её руинам!

- На этом месте в середине XVIII века находились дом обер-офицеров и солдатские казармы, - говорит Павел Анатольевич Ларенок, начальник археологической экспедиции при Ростовском региональном отделении Всероссийского общества охраны памятников и культуры (РО ВООПиК). - Монеты, предметы обихода – всё это мы рассчитываем найти среди хозяйственных построек...

Под полуметровым слоем асфальта – подвал одного из домов. Построили его из обтёсанного известняка: такой камень добывали в двух шагах отсюда, возле Богатого источника.

В стенах подвала обнаружены ниши с кирпичными арочными сводами.

Земля старой крепости таит немало загадок. Одна из самых старых – о подземном ходе, который проложил Ригельман. Вёл этот ход от Богатого колодца к ротонде в Первомайском сквере. Какие только легенды не ходили по городу об этом таинственном ходе! О скелетах, о кладах...

Те, у кого особенно было развито воображение, говорили о целой системе ростовских катакомб. Вроде бы подземный ход крепости соединялся с другими ходами вплоть до самого старого базара.

Правда, многие считают, что это обыкновенные промышленные шахты – по ним доставлялись продукты напрямик от набережной в подвалы купеческих особняков.

Кто знает?

Говорят, подземные туннели тянулись на десятки километров через степь и выходы были и в Александровке, и в Аксае, и чуть ли не у Азова!

Строили подземные дороги ещё в XV веке казаки – большие мастера земляных работ.

Известен факт: благодаря искусным подкопам донское казачество помогло московским царям взять Казань.

Вот что пишет наш известный краевед Владимир Семёнович Моложавенко:

«Любопытная заметка появилась в газете «Приазовский край» 22 декабря 1913 года. В разделе «Происшествия» сообщалось, что в Ростове на углу Большой Садовой улицы и Богатынского переуллка извозчичья пролётка неожиданно провалилась в

огромную яму, которой... прежде не было на улице. Комиссар городской управы А. Х. Гурьев, оказавшийся поблизости, установил, что на глубине двух-трёх саженой от поверхности проходит потайной подземный ход.

Сообщение, напечатанное в газете, не было досужей фантазией корреспондента. Старожилы Богатыновского переуллка... припоминают другой факт. В 1911 году на Никольской (Социалистической) улице рыли траншею для канализационных труб и... тоже наткнулись на подземную галерею. Спешно приостановили работы, вызвали представителей власти и, «дабы не вносить смуты в умы горожан», поспешили заложить потайной ход кирпичом.

Один из очевидцев этой истории – геодезист Зигмунт Константинович Рыгельский... с улыбкой вспоминает, как разгневалось начальство, увидев на городской карте нанесённый им план подземелья.

Рыгельский даже успел осмотреть загадочный туннель! Начинался он неподалёку от Дона у знаменитого Богатыновского источника и уходил на север. И построен не кое-как, стены были выложены тёсаным камнем, оштукатурены, можно было встать во весь рост.

Ростовские катакомбы... даже многие коренные ростовчане не знают об их существовании.

...Они всё-таки есть. Их никто не выдумал. Больше того. В 1835 году горный инженер М. Б. Краснянский нанёс на план крепости Димитрия Ростовского тоненькую ниточку – подземный ход. Одна лишь ниточка в разрезе грунтов... По мнению Краснянского, подземный ход начинался от Архангельских ворот крепости и тянулся к самому Дону. Краснянский датировал это сооружение 1761 годом.

...Друг Ломоносова Ригельман составил по его поручению «Ведомость и географическое описание крепости Святого Димитрия Ростовского» – первое обстоятельное исследование по начальной истории Ростова и его окрестностей. В этой книге-то и упоминается подземный ход, который принимался многими за плод фантазии!»

Далее Владимир Моложавенко рассказывает, как Рыгельский показал ему полузаваленный вход в туннель.

Что к сказанному можно добавить?

Только то, что ещё в своём детстве, в конце 70-х годов (рядом с клубом Шиферного завода, это территория бывшей Гниловской станицы, от улицы Портовой – вниз, почти к берегу), я сама – Елена Соколова – видела вход в подземелье.

Довольно внушительная пещера (метров пять высотой).

Куда и на сколько тянулся этот ход, я не знаю – заходить было страшновато – темно, тянуло гнилью; да и, честно говоря, ступить было некуда – местные жители использовали это начало подземелья по вполне определённом назначению (в близлежащих двухэтажных домах было печное отопление и отсутствовали туалеты)...

Вот так.

Обидно, конечно.

Если всё это раскопать, очистить, привести в порядок, комфортабельно обустроить (конечно, вложить средства!) и организовать, к примеру, игру для посетителей: поиски клада Разина, Булавина, Пугачёва и всех остальных – получился бы роскошный тури-

стический бизнес! На нём одном только столица Южного Федерального округа со всеми своими сателлитами жила бы до скончания дней припеваючи.

Тем более, что Крымские катакомбы – ныне заграница...

Но властям не до того, опять же, в обозримом будущем – Олимпиада, а она на территории Южного Федерального округа...

Опять же, кризис...

Может быть, при строительстве (так давно обещанного и такого долгожданного!) метрополитена, отцы города наконец-то обратят внимание на подземные лабиринты?

А может, просто засыпят...

Нету лабиринта – нету проблемы.

А чем плохи крепостные загадки сегодняшнего дня, уходящие в глубину времён?

Между улицами Суворова и Пушкинской строится ультрасовременный торговый центр «Ростов-сити»...

Так вот, когда копали яму под фундамент и вбивали сваи, неожиданно в одном месте они не захотели уходить в грунт. Как ни старались строители – ни в какую!.. Слово мощные бетонные «стрелы» наткнулись здесь на загадочное препятствие.

Раньше в этой части находились пороховые погреба.

Ну не хочет старая русская крепость пускать в свои владения всякие непонятные импортские «сити» – и всё тут!

...А сражений крепостным стенам, слава Богу, так и не пришлось увидеть. Не пригодился защитникам и потайной ход к Богатому источнику. Кто знает, может он превратился понемногу в неведомый склад войскового имущества?

Ведь за два столетия никому ещё не позволили обследовать подземные галереи...

...А 200 лет назад просыпалась крепость на заре под звук сигнальной трубы и жила весь день под гром барабанов и команды Александра Суворова.

Всё здесь было подчинено суровым законам военной службы. Когда в 1768 году началась русско-турецкая война, крепость стала одной из основных баз русской армии.

«Я ПРИЕХАЛ НА ДОНСКОМ СКАКУНЕ»

Об этом человеке написано столько, что прибавить что-то новое, просто невозможно.

Мы остановимся лишь на недолгом, зато – нашем, донском, кусочке из биографии Александра Васильевича Суворова.

И просто напомним: этот полководец выиграл **ВСЕ** сражения, в которых участвовал.

- Беда в том, - сетует историк и писатель Владимир Сидоров, - что связь свою с известными историческими событиями и людьми современные ростовчане ощущают слабо. А нам есть кого и что вспомнить.

На клиросе ростовского храма подголашивал хору Александр Васильевич Суворов.

Который – между прочим – третьим после Ганнибала и Цезаря, перешёл Альпы и наложил по шеям мо-

лодым генералам молодого Наполеона, хотя сам был уже старик.

Из Ростовской крепости Суворов принимал участие в русско-турецких войнах. Суворов же, напомню, переселял из Крыма на Дон армян...

В мае 1778 года резко обострилась ситуация в Крыму. К берегам двигался турецкий флот.

Христианам, ориентированным на Россию, высадка турецкого десанта угрожала жестокой расправой.

Они обратились к русской императрице с просьбой о защите *«от предугрозимых бедствий и сущего истребления»*.

Вот исполнение этой-то политики и поручают Александру Васильевичу Суворову. Которую он успешно и проводит – уже 13 сентября докладывает графу Румянцеву о переселении в Азовскую губернию *«31098 душ обоего пола»*.

Греки осели в Приазовье, основав города Мариуполь и Мелитополь. А армянам Екатерина пожаловала земли восточнее Ростовской крепости, где и возник их город Нор-Нахичеван.

Переход из Крыма огромного обоза дался нелегко. Суворов искал деньги на выкуп родовой недвижимости христиан, помогал снаряжать телеги. Не обошлось и без взятки. За провоз имущества ему пришлось выложить таможенникам пять тысяч собственных рублей.

Возможно, Александр Васильевич так проникся бедственным положением несчастных переселенцев потому, что в роду его матушки были Мануковы, изначально – Манукяны.

...Продолжалась необъявленная война с могущественной ещё Портой – Турцией. Россия собирала силы на Юге, в Крыму и на Кубани. В крепости Дмитрия Ростовского и в окрестностях Азова располагался корпус бригадира И. Бринка.

Суворов же в Крыму выполняет ряд дипломатических поручений командира корпуса А. Прозоровского. На полуострове наступает затишье. Оно непривычно – тяготит, и Суворов обращается с просьбой к Григорию Потёмкину дать ему новое дело.

В деревне Опошня под Полтавой ждёт своего назначения. И вот, 29 ноября 1777 года, по ходатайству светлейшего князя Александр Васильевич назначается командующим Кубанским корпусом.

Так судьба привела его в наши южные края.

Он пишет своему бывшему бригадному командиру В. И. Храповицкому: *«Ожидаю скорого отправления к препорученному мне корпусу. Дочь моя в меня, бежит в холод по грязи»*.

Семейная жизнь генералиссимуса, по воспоминаниям современников, не задалась – с супругой Варварой Прозоровской они были слишком разные люди.

А вот свою «Суворочку» – дочь Наташеньку – Александр Васильевич очень любил.

Он часто писал ей и с нетерпением ждал ответа.

Вот пример своеобразного родительского юмора – Суворов в письме к своей 12-летней Наташе – после сражения под Кинбурном: *«У нас были драки сильнее, нежели вы дерётесь за волосы, а как вправду потанцевали, то я с балету вышел – в боку дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили, насилу часов через восемь отпустили с театру в камеру»*.

А когда Суворочка была рядом, отец проводил с ней всё свободное время. Можно представить, как они гуляли в саду коменданта. Как стояли на южном редуте, оглядывая бескрайние степи Задонья...

Но это были редкие и короткие минуты. Напряжённая обстановка требовала огромных организаторских усилий, большой воли и энергии.

5 января 1778 года Суворов принял командование Кубанским корпусом, штаб которого находился в крепости Святого Димитрия Ростовского.

Этот корпус успешно действовал против турок в недавней войне и был оставлен здесь для охраны южных рубежей. Новый командующий должен был принимать меры *«для обуздания ногайских орд от смятений, поддерживаемых из Крыма»*.

Прибыв на Кубань, Александр Васильевич предпринял самые масштабные действия. Поставил *«себе за первый долг... самолично обозреть положение сей земли, всех в ней учреждённых постов»*.

И самое главное – начал строить укрепления. Открытые степи давали большое преимущество коннице кочевников.

Изучив обстановку, он предоставил Потёмкину план: провести линию обороны от устья Дона до устья Кубани и создать Кубанский кордон. Вместе с Кавказской линией получилось бы 500 километров.

Князь дал добро.

Линия обороны была выстроена за три месяца.

В одном из донесений Суворов докладывал Потёмкину: *«Я рыл Кубань от Чёрного моря в смежности Каспийского под небесною кровлею, преуспел в один великий пост утвердить связь множественных*

крепостей, (при чём) из двух моих в семисот человек работных армиев, строящих оные на носу вооружённых варваров среди непостоянной погоды и несказанных трудов, не было ни одного умершего...».

По своему обыкновению Александр Васильевич привёз в крепость большой чемодан с книгами, которые сопровождали его во всех походах. Получал он здесь европейские и российские газеты – внимательно следил за политической жизнью. Он любил читать по ночам и в утренние часы, и долго караульные видели свет в окнах дома, где он жил.

Суворов писал из крепости много рапортов, донесений, писем.

Крепость тогда уже благоустроилась и жила размеренно.

- Мы определили точное место, где находилась Покровская (Соборная) церковь... - рассказывает Павел Ларенок, - Мы нашли остатки каменных плит, которыми был выложен пол церкви. Тогда это была деревянная постройка, лишь позднее на этом месте возвели каменный храм. По некоторым сведениям, именно здесь венчался Суворов.

По воспоминаниям, Александр Васильевич часто заходил в Покровскую церковь. Известна его религиозность. Не случайно на фамильном гербе под короной, увитой дубовыми листьями и поддерживаемой двумя львами, стоит девиз: «*За веру и верность*».

В Кубанский корпус входили 2 кавалерийских и 5 пехотных полков, 2 роты артиллерии (16 лёгких орудий) – всего 11695 человек.

Гарнизон состоял из пяти рот Низовского полка. Две остальные роты, а также два пехотных и два драгунских полка квартировались в Азове и близлежащих станицах.

Донские казаки были в резерве.

Суворов любил казаков, высоко ценил боевые качества их стремительной выносливой конницы. Много в своём военном искусстве он почерпнул именно из их тактики: быстроту, силу удара, преследование противника. В боевых действиях на Юге полководец умело использовал свои знания донского казачьего быта и традиций казаков, но главное – их военную силу.

Он сам начинал кавалеристом на полях Семилетней войны. С донскими казаками участвовал во взятии Берлина в 1760 году. Подполковником командовал конницей в 1761 году. Сражался рядом с казаками в русско-турецкой войне.

А был и такой случай, когда 19 мая 1773 года отряд казаков спас ему жизнь.

600 турок неожиданно переправились через Дунай и напали на суворовский лагерь. Сам он в это время спал на берегу. Турки неслись на него с поднятыми над головой саблями...

К счастью поблизости оказались донские казаки. Подоспев в последнюю минуту со своими молодцами, есаул Захар Сенюткин ударил наперерез. На глазах Суворова началась рубка. Позднее он писал в рапорте генералу И. Салтыкову: *«...с беспримерной неустрашимостью, ударив в их толщу, донского казака полка Леонова есаул Сенюткин, предводительствуя казаками отлично себя показал...»*

Кзаки тоже любили Суворова. Эта любовь живёт в народных песнях, а ведь героями фольклора всегда становились только наиболее уважаемые военачальники!

Вот отрывок из одной такой песни:

А Суворов поскакал к донским казакам:

- Ой, вы братцы-молодцы, вы донские казаки,

Вы донские казаки, гребенские,

запорожские молотцы,

Сослужите таку службу, какую я вам велю,

Не можно ли, ребята, караулы турски снять?

- Не велика, сударь, страсть –

караулы турски скрасть.

Дальше песня ведаёт, как казаки «тихо ночью подъезжали, караулы турски скрали». И турецкий визирь «сокрушался, закипелся, забросался о том, что силушка побитая лежит».

Известны донские казачьи песни, например, о ранении Суворова под Очаковом и многие другие.

Первый раз Александр Васильевич побывал в Дмитревской крепости в самом начале 1778 года. Но он не задержался здесь, служба предписала отправиться на Кубань. Второй раз он жил в крепости с октября 1782 по май 1783, выезжая в станицы Аксайскую и Нижне-Кундрючинскую. Затем – с ноября 1783 по апрель 1784.

Генерал нередко покидал форпост: инспектировал войска, проверял их боеготовность, контролировал

снабжение, устраивал полевые учения, разыгрывал в степи целые баталии.

Существует предание, что на месте нынешней площади Советов командующий не только проводил военные тренировки с солдатами, но и играл с ними в городки.

Некоторые историки говорят о том, что Суворов был комендантом крепости.

Он был главнокомандующим Кубанским корпусом и большую часть времени проводил на Кубани и в станицах Дона. Когда он был один, то останавливался в доме коменданта; а когда приезжал с женой и дочерью, жил в каменном доме, который располагался (предположительно) на территории, занимаемой ныне 5-м механическим заводом.

Мнения существуют самые разные.

«Большая энциклопедия», изданная в начале XX века, утверждает, например, что Суворов был губернатором Кавказа.

Но не это главное. Как бы ни называлась его должность, Александр Васильевич отдал много сил и здоровья для благоденствия вверенного ему Донского края.

Например, он хлопотал о возвращении на родину казаков-некрасовцев (сподвижников Кондратия Булавина, ушедших с Дона на земли, подвластные Турции – из-за опасения репрессий царской власти). Но в те годы об этом нельзя было и помыслить. Потомки некрасовцев вернулись на родину только в 60-х годах прошлого столетия...

В 1784 году у нас побывал французский путешественник К. де Барт. В его записках отмечено, что видел тут *«мощёные улицы, несколько каменных домов, две церкви и несколько лавок»*.

Мощёные улицы – это, по тем временам конца XVIII века, показатель очень большого достатка и процветания. Спасибо Суворову.

(Между прочим, и сегодня ещё, в начале века XXI, не во всех уголках России есть нормальные трассы! Две беды испокон веку: дураки и дороги...)

В октябре и ноябре 1783 года командующий жил в Аксайском стане. Под его руководством были изрыты высокие бугры и создана система наземных и подземных фортификаций.

В это время на верфях Таганрога строились суда для Черноморского флота. Это беспокоило Порту и её покровителей – англичан и французов, всячески поддерживающих Османскую империю в её претензиях к России.

Южный флот становился реальной угрозой турецким судам, и французская разведка разработала план уничтожения таганрогской верфи.

В 1783 году туда прибыл черноморец капитан-лейтенант виконт де Монбрюн – на самом деле, вражеский агент с заданием сжечь верфь и строящиеся на ней корабли. Ему удалось подкупить коменданта Таганрогской крепости и кое-кого из иностранных специалистов-корабельщиков.

Но российская разведка тоже не зря государственный хлеб ела, готовящаяся диверсия была раскрыта, о ней доложили Суворову. Он приказал немедленно арестовать де Монбрюна в его «штабе» – доме коменданта. Заговорщики ареста не ожидали, их за-

стали врасплох – нашли расписки на получение крупных сумм денег. Военная коллегия изобличила виконта и его сообщников и постановила изменников расстрелять. Екатерина II заменила смертный приговор каторжными работами.

Вот так быстрые, решительные действия Суворова спасти таганрогскую верфь.

В течение почти двадцати лет донцы становятся неразлучными спутниками и боевыми товарищами генерала.

Почти во всех походах ординарцами у Александра Васильевича служили казаки, из них – Евсей Селезнёв был особенно долго.

С закубанского набега Суворов не расстается с донским казаком Иваном. Этот Иван был телохранителем великого полководца, он был бессменным ординарцем, он был и вестовым и денщиком и неотступно сопровождал своего генерала во всех походах. Никто не знал фамилии Ивана, не дошла она и до нас, но этого донского казака знали все страны, которые проходил Суворов, его знали императоры и короли.

С этого времени Суворов в походах и боях ездит не иначе, как на донской казачьей лошади и в казачьем седле, с казачьей нагайкой в руках. Эта плеть служила Александру Васильевичу в сражениях вместо фельдмаршальского жезла. С нею он не расставался.

С казаками он брал Измаил.

Невозможно было надивиться их мужеству при штурме! В пешем строю, с одними пиками, почти безоружные, шли они на каменные твердыни и одолевали свирепого врага.

После взятия этой турецкой цитадели русские потери были велики: убитыми и ранеными 10000 человек, из 650 офицеров пали 400.

Суворов, не раз бывавший в делах с казаками, первый раз увидел работу почти всего войска. Он был восхищён. *«Храбрость, стремительный удар и неутомимость Донского войска, - писал он Потёмкину, - не могу довольно восхвалить перед Вашей Святостью и Государынею Императрицею».*

За эту войну войску Донскому пожаловано Белое знамя.

Большие золотые медали выданы полковнику Иловайскому и есаулу Денисову, каждому с надписью: *«За отличную его храбрость при взятии города Измаила и преследовании обращённого в бега неприятеля».* Все прочие офицеры и чиновники также были награждены.

Войска получили богатейшую добычу, но себе Суворов не взял ничего.

Ему подвели великолепного, в богатом уборе арабского коня, принадлежащего турецкому паше – коменданту Измаила. Русский полководец только усмехнулся:

- Я приехал на донском скакуне, - сказал он, - на нём же я отсюда и уеду.

- Ваше превосходительство, - заметил один из генералов, - тяжело будет коню вашему везти добытую вами славу.

- Донской конь всегда выносил меня и моё счастье, - отвечал Суворов.

И солдаты, и казаки говорили о нём: «*Наш Суворов в победах и во всём с нами в паю, но только не в добыче*».

И, действительно, через девять дней, отдав все распоряжения по крепости и назначивши в ней комендантом Кутузова, Суворов – так же бедно одетый, на той же казачьей лошади – уехал из Измаила.

Сзади него трусил его верный донец Иван с узелком под мышкой. В узелке были сложены мундир и амуниция Суворова. Иван был так же бескорыстен, как и его генерал.

Ещё долгие годы со страхом вспоминали турки о казаках, об их смелой атаке, об их лаве, о страшных их пиках...

А казаки могли бы ответить туркам словами донского сочинителя Александра Леонова:

*Вы узнали нашу лаву,
Наш казачий дружный гик
И вспомнили отраву
Смертоносных наших пик,
Отчего ж вы, басурманы,
Не обернитесь лицом?
Отчего ж вы ятаганы
Не ударите с копьём?
Оттого, что ваши деды
Вам твердят про казаков,
И про наши встарь победы,
И про старый ваш Азов.*

Здесь, на Дону зарождалась великая суворовская «Наука побеждать».

Военное искусство всегда сочеталось у полководца Суворова с чувством патриотизма: *«Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, но я заключаю доброе имя моё в славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию»*.

«Тяжело в учении – легко в бою».

Это изречение часто приписывается Суворову.

Да никогда в жизни Александр Васильевич не проносил подобной глупости!

Те, кто таким образом «цитируют» великого полководца, ничего не понимают ни в существе его «Науки побеждать», ни в самом Суворове, ни в военном деле – как таковом.

Суворов никогда! – не противопоставил и не сопоставил бы учение и бой.

Бой требует определённой выучки – это безусловно. И к бою нужно быть готовым. Солдату надо знать свой манёвр – это бесспорно.

Однако как ни готовься к бою, а он всегда оказывается иным, чем учение, и главное – смертным. Говорить о какой-либо лёгкости в бою – это надо совсем не любить и не ценить своих воинов и к тому же ни во что не ставить противника.

«Легко в бою» – формула тех, кто воевал числом, а не умением, легко посылая на смерть полки, дивизии, армии, не говоря уже о ротах и батальонах...

Суворов солдат берёг.

И вот о какой лёгкости говорил он на самом деле:

«Легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе».

В походе! То есть, до боя – как такового – ещё надо дойти...

Добраться до поля брани – по возможности – здоровым, не очень уставшим, в бодром настроении и с уверенностью в своём правом деле!

Вот чему учил полководец!

А тогда не было ни танков, ни автомобилей, ни самолётов...

Только кони.

И их тоже надо было, по возможности, сохранить.

На учениях допускались даже непосильные, казалось бы, перегрузки; но зато в походе!.. в маршброске!.. в переходе через Альпы...

Об этом речь у Суворова – о готовности воинов к тяготам похода.

А бой...

Это другое. Совсем другое.

Вспомним Юлию Друнину:

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Суворов – триумфатор русско-турецкой войны 1787-1791 годов, которая и выиграна-то была, благодаря блестящим победам его у Кинбурга, под Очаковом, Рымником, Фокгшанами и Измаилом.

Слава великого полководца стала и европейской.

Вот лишь один пример.

В 1812 году уже взрослая Суворочка – Наталья Александровна – с семьёй пробиралась через занятую французами Москву. Их остановил патруль. Узнав, что перед ними дочь прославленного русского генералиссимуса, французские офицеры и солдаты отдали ей воинские почести.

А что может быть убедительнее для славы полководца, чем признание его заслуг противником?

О великом военачальнике и замечательном человеке напоминают ростовчанам улица в центре города и средняя школа № 27 на Военведе, носящие его имя.

На улице, носящей его имя, установлен бронзовый бюст полководца работы скульптора Анатолия Скнарина и архитектора Сергея Михеева.

...В 1785 году, когда Суворов перебрался с Дона во Владимир, где принял командование Владимирской дивизией, художник Дмитрий Левицкий написал его портрет. На нас смотрят умные живые глаза. Полы камзола широко распахнуты, на груди, на пышной ленте – Георгиевский крест. Полководец устремлён вперёд, правая рука вскинута, подчёркивая порыв и уверенность в себе.

Впереди его действительно ждали великие дела.

24 ноября 2009 года графу Рымникскому, князю Италийскому, генералиссимусу России Александру Васильевичу Суворову исполняется 280 лет.

РОСТОВ НЕ СРАЗУ СТРОИЛСЯ

Издавна велись споры о том, что принять за начало Ростова?

Краевед Пётр Аваков пишет: *«В районе будущего Ростова ещё с конца XVI века находился самый настоящий городок (укреплённое поселение), игравший весьма важную роль в жизни донских казаков. «Роспись» (список) донских казачьих городков конца XVI века свидетельствует, что в нём находились казачьи руководители и рассматривались дела остальных донских городков. (То есть, это уже тогда была, в некотором роде, столица. – Ред.) Городок имел на редкость неприличное название – в настоящем виде оно указано лишь на «Новейшей карте России» Исаака Массы, изданной в Голландии в 1633 году. В русских документах XVI-XVII веков этот городок встречается под названиями Стыдное Имя, Эпок, Эбок и Бодок. Несмотря на этот «камуфляж», нетрудно догадаться, от какого глагола произошло непечатное имя городка».*

Справедливости ради следует заметить, что «стыдным» и «неприличным» это название стало лишь с приходом христианства. А ранее это было самое обыденное понятие, обозначавшее самое обыденное действие и никакого порочащего смысла не имевшее.

Это уж после того, как огнём и мечом перекрестили Святую Русь, многое – в истории (вообще) и в истории языка (в частности) – поменялось. Но слово-то не виновато, что в него вложили стыдный смысл...

Правда, не совсем понятно, почему так называли именно этот городок – известных сведений нет.

Как уже отмечалось, считается, что начало городу было положено основанием Темерницкой таможни.

Зато от крепости Дмитрия Ростовского будущий город хотя бы получил своё название.

Но если честно, то общепринятая дата основания Ростова-на-Дону – всего лишь символическая условность.

И дело даже не в том, что, собственно, в 1749 году город у Богатого колодезя никто не основывал.

Дело в другом: разумеется, таможню тоже можно считать предтечей Ростова. Но таможня – это государственное учреждение, и считать её населённым пунктом – большая натяжка, даже если учитывать, что рядом с ней проживало некоторое количество людей (таможенники, купцы, работники порта).

Кроме того, между Темерницкой таможней и городом Ростовом нет генетической связи. Если относиться к таможне как к основе будущего города, то выходит, что Ростов прекратил своё существование ещё в 1776 году, когда таможню из Темерницкого порта перенесли в Таганрог.

Но опять таки, не следует забывать, что процесс «рождения» городов зачастую бывает длительным и может состоять из нескольких этапов.

На месте Нижней Гниловской станицы, например, располагался Гниловской стан. На левом берегу балки Кизитеринки находился стан Роговский (это будущая станица Александровская, ныне – посёлок Александровка).

Впервые о войсковых *«рыбных ловлях»* (то есть рыболовных угодьях) *на Роговых»,* упоминается в до-

кументе 1733 года. В этом же документе фигурируют «рыбные ловли» на Темернике!

В случае угрозы вражеского нападения Войско Донское «для предосторожности» посылало к Темернику крупный отряд. Так, в 1732 году туда было направлено 500 казаков и 30 юртовых калмыков во главе с походным атаманом Тихоном Ивановым.

И известный ростовский краевед М. Краснянский ещё в начале прошлого века выделял «доофициальный период» существования Ростова, предшествующий учреждению Темерницкой таможни. Начало его он относил к 1741 году – тогда в урочище Полуденка, близ Богатого колодезя, уже располагался рыболовецкий стан.

Хотя эти станы – всё-таки не поселения, а сезонные стоянки рыболовецких артелей, и только к концу XVIII столетия обозначились они станицами.

Но со времён Краснянского Ростов значительно вырос, и теперь мы можем говорить ещё об одном, более раннем предшественнике донской столицы.

Таковым является Донецкая крепость – небольшой редут, построенный в 1738 году у устья Мёртвого Донца и разрушенный в 1748 году.

Так что, Ростов «родился» в 1738 году?

Или, может быть, его родословную всё-таки следует вести от самого нижнего казачьего городка со «стыдным именем»?

Впервые общественность Ростова озаботилась своими корнями в 1879 году. В тот год соседняя Нахичевань с помпой, размахом и загодя начала готовить празднование своего 100-летия, и ростовчан это

крепко задело: стало насущно необходимо определиться со своей историей. Просто так уступить старшинство, без борьбы или хотя бы азартной полемики, ростовцы – как они тогда себя называли – натурально, не могли.

К тому времени между двумя соперничающими городами установился баланс, но ещё шаткий. Как пойдёт развитие городов-соседей, предугадать не мог никто.

Но уже не без юмора их именовали «женихом и невестой», угадывая неминуемое объединение. Однако кто возьмёт верх, кто в кого вошьётся, было далеко не ясно. Чопорная и патриархальная Нахичевань всё ещё оставалась мощным вместилищем купеческого капитала, но Ростов решительно рвался в лидеры! Уступать соседу в чём-то значимом виделось ростовцам принципиально недопустимым. А уж отдавать пальму первенства в вопросе первородства – тем более!

Казалось, что это так просто – определиться с датой рождения города. Ведь речь шла, собственно, не о временах египетских пирамид, а об эпохе самой ближней – временах Петра – вдоль и поперёк описанной и закреплённой в архивных документах. И, тем не менее, поиск точки отсчёта с годами только запутался, да так крепко, что и в наши дни остаётся открытым.

Итак, откуда вести начало Ростову?

Известно, что самостоятельные поселения, называвшиеся слободами и форштадтами (сросшиеся друг с другом и с крепостью), впервые как единое целое, были названы городом Ростовом по царскому Указу в 1806 году.

Позднее, в 1811 году, и тоже Указами, утверждены гербы и планы двух городов, отдельно для Ростова и для Нахичевани.

В исторической науке установилось правило: при датировке городов вести отсчёт от даты первого упоминания его по имени в документе.

Для Ростова это общее правило не годилось.

Городская Дума учредила особый комитет и поставила ему цель – найти правильную дату.

Комитет работал ровно четверть века, оставил горы бумаг, излил потоки страстных словопрений, политических публикаций в печати и (к 1906 году) выдал рекомендацию: считать годом основания Ростова 1749.

То есть, избрать для отсчёта дату Указа об учреждении таможни.

С тех пор даже самые добросовестные бытописатели края и его историки вынужденно с нею соглашались, сходятся во мнении об её удобстве – как о хорошем компромиссе. Но называют всегда с оговоркой: «Принято считать».

Так в чём же проблема?

Да в том, что приняв её, неловко объяснять возникшие несуразицы.

А что, до Темерницкой таможни ничего на месте нынешнего Ростова-на-Дону не было?

Голое поле?

Вовсе нет!

Ещё раз вспомним: крутые берега Темерника в его устье, при впадении в Дон, были обжиты: таможню обустроили на том самом месте, где стоял, и тоже не стихийно возникший, а государством учреждённый, кордон под названием Темерницкая застава.

Из источников известно, что в начале 30-х годов XVIII века *«на порубежной реке Темерник»* располагалась застава (сторожевой пост), выставленная Войском Донским для пресечения провоза в турецкий Азов *«заповедных»* товаров (оружия, пороха, свинца, рыболовных снастей). Застава выполняла исключительно торгово-контрольные функции и никакого военно-стратегического значения не имела. Разумеется, помимо этого вдоль границы с Турцией периодически проезжали казачьи разъезды.

Изменив свой статус, застава стала таможней.

Через какое-то время, и тоже по Указу, таможню перевели в Таганрог. Темерницкая таможня, переместившись, стала Таганрогской.

Об основании города тут речи нет. И правило датировки города – от первого его упоминания в документе – здесь явно не работает.

Но это ещё не всё. Самые дотошные язвительно упирали на то, что, взяв за отсчёт Указ о Темерницкой таможне, надо городу поменять имя на Темерницк. Истины ради, с ними трудно было не согласиться.

Хотя, давать имя в честь (как с юмором подытожил Аркадий Гайдар) «злого, хромого, из средней истории»?.. Ну, пускай на тонком Востоке и дают. Нам не с руки, как-то...

Но... пойдём дальше. Через 11 лет восточнее тамошни, на высоком правом берегу Дона начала строиться крепость Святого Димитрия Ростовского – мощное инженерное сооружение, крупнейшее на юге России. Год закладки – 1761.

Значит и надо называть – Димитревск. Тем более, что крепость на практике называлась не только «Ростовской», но и «Димитриевской» и «Святодмитриевской».

Вот, казалось бы, откуда и повести отсчёт – судя по имени, данному городу.

Но тут была другая незадача: высокий правый берег Дона ко времени закладки крепости уже был настолько обильно заселён, что не замечать и отбрасывать такое обстоятельство было совсем уж неловко.

Ещё через 18 лет – в 1779 году и тоже по Указу, переселенцы из Крыма заложили восточнее крепости армянский город Нахичевань.

В отличие от Ростова тут было известно всё: и день, и час, и кто поимённо столбил начало.

Для нахичеванцев отсчёт был предельно ясным, поскольку привязывался исключительно к самому «событию» переселения на Донскую землю. Для них ничего не значило то, что план их города, разработанный выдающимся зодчим того времени Иваном Старовым, был привязан на местности к уже имею-

щелся тут со времён Петра, а точнее, с начала 1712 года, поселению Полуденка.

Её обитатели, передав новопривывшим жилую «недвижимость», за счёт государства были переселены на левый берег Дона и там основали Батайск и Койсуг.

Итак, несколько дат, связанных с Ростовом и Нахичеванью.

Если выстроить их хронологически, то получится вот такой оценочный ряд:

- 1712 год – заселение Полуденки.
- 1749 – учреждение Темерницкой таможни.
- 1761 – закладка Димитревской крепости.
- 1779 – основание Нахичевани.
- 1806 – упоминание Ростова в документах.
- 1929 – упразднение Нахичевани – существует единый Ростов-на-Дону, а бывший армянский город представлен в нём одним из районов.

Краевед Эдуард Вартанов предлагает именно с этих позиций оценивать даты и пристальнее рассмотреть самую первую.

У неё такая история.

Начатый царём Петром Прутский поход обернулся для России сокрушительным поражением и вынудил подписать с турками унижительный договор, одним из условий которого была и сдача Азова.

Технический порядок передачи города в тексте был тщательно оговорен: в срок шесть месяцев от даты подписания должны были быть снесены все сооружения, вывезено имущество и выведены христиане.

Последний день полугодового срока приходился на 7 января 1712 года.

Азовчане не торопились, тянули до последнего, надеясь, что чудесным образом что-то изменится и всё как-нибудь само собой рассосётся...

Но в первые дни января турки в нетерпеливом ожидании начали подтягивать войска. Пришлось русским спешно уходить по льду, сковавшему Дон.

Разместились азовчане по разным городам. Но те, кто своим ремеслом был крепко привязан к Дону, просто перешли на его правый берег, чуть выше по течению, и обосновались в Полуденке.

С давних времён здесь, в земляных укывищах, вырытых в известковой породе крутого берега, жил и кормился рыбным промыслом разный «зашедший» люд.

И хотя промысел был сезонным, и в зиму становище оставалось безлюдным, но оно – было!

Сюда и перешла часть жителей Азова и поселилась уже основательно.

Застройка поселения изначально выполнялась настолько правильной градостроительной сеткой улиц и кварталов, что через несколько десятилетий положена была в основание плана Нахичевани – в Полуденке были площади, церковь, пристань, торговые лавки, мастерские ремесленников, словом, обширная жилая застройка.

Итак, Полуденка и 1712 год.

Ну чем не дата, чтобы вести от неё счёт?
Всем хороша!

На неё указывали и на неё с завистью смотрели ростовцы.

Так в чём же была загвоздка?

Да в том, что «*всем хороша Маша, да не наша!*» Так сокрушённо говорили члены того комитета, что четверть века отыскивали дату основания города.

Полуденка-то оказывалась на территории Нахичевани!

«Эк, угораздило, ну хотя бы на треть версты дальше отвели переселенцам из Крыма место по берегу Дона, - вздыхали ростовские думцы, - проблемы бы не было. Полуденка была бы наша, а с нею – и дата её. Ну, да ладно, ничего, вот-вот объединимся с Нахичеванью, - объясняли они общественности, - и проблема исчезнет. Вот-вот, уже скоро Полуденка станет общей. А до того времени остановимся на 1749 годе и подождём... Не долго осталось».

Такое суждение и утвердила Городская Дума в 1906 году, а юбилейный комитет распустила.

Город успокоился и согласился ждать.

Но в 1917 году сменилась эпоха...

Дату для первого юбилейного торжества годы и годы спустя взяли, глубоко не вникая в суть вопроса. В 1949 году Ростов впервые за всю свою историю отметил своё рождение – 200 лет, а совсем недавно – и 250.

Как-то забылось, что давно нет того досадного препятствия, которое смущало ростовскую общественность.

А если о том вспомнить да повести счёт правильно и по справедливости, то трёхсотлетний юбилей Южной столицы приходится на:

- 2012 год,
7 января,
субботу,
Рождество Христово.

ЗВЕЗДА ЕЛИЗАВЕТЫ

Дщери Петровой – 300 лет.

XVIII век поражает широтой, смелостью и разнообразием общественно-политических идей.

Вот что пишет историк Василий Татищев: *«Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходят единственно от прилежности народа к рукоделиям и доброго состояния художества».*

Рационализм, просветительство, уверенность в способности страны не уступать *«чужим государствам славящимся коммерциею»* – таковы новые общественные тенденции, информировавшие и направление действий правительства, и образ мыслей императрицы.

То есть перспективы – в промышленности и торговле. И предлагается ряд мер, обеспечивающих «свободный торг»: отмену откупов и монополий, организацию банков и кредита для купечества, «вольность честную» и так далее.

Из документов того времени: *«Не оставил Господь в бесконечном плаче Россию, но, устрояя о ней неисповедимыми своими судьбами, возвёл на престол сильною своею десницею законную её наследницу. Взашед на оной, великая государыня воскресила в России Петра Великого, возобновила все его установления, одобрила коммерцию несказанными облегчениями, мануфактуры и торговлю сильными вспоможениями и полезными распоряжениями...»*

«Петрова искра» – звал её народ...

По мнению писательницы Ларисы Васильевой,
«...дети, зачатые в любви, всегда счастливее и душевно богаче тех, кто зародился без глубокого чувства.

Говорят также, что те, у кого было счастливое детство, сильнее, ярче и спокойнее тех, у кого оно было тяжёлым.

...Любовница Петра I Марта-Екатерина родила её в селе Коломенском 19 декабря 1709 года.

В этот день Великий российский самодержец, победитель шведов под Полтавой, торжественно въехал в Москву. За ним везли шестьсот шведских пленных. Он собирался пировать, но известие о рождении дочери изменило планы: «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир мою дочь, яко со счастливым предзнаменованием вождённаго мира».

Прежде чем поехать в Коломенское, Пётр отслужил благодарственный молебен в Успенском соборе, а потом, найдя свою возлюбленную и новорождённую

девочку в полном здравии, на радостях запировал, пригласив к столу привезённых с собой знатных шведских пленников.

Елизавета – дитя любви, детство её было сплошным счастьем. Она росла в царском дворце, окружённая любовью матери, отца и подобострастием придворных».

Её учили языкам, стихосложению, танцам, математике, рисованию, музыке, да чему только не учили – предполагалось, что младшая дочь русского царя станет французской королевой...

Сплошное счастье закончилось, когда Париж недвусмысленно дал понять: сие – положительно невозможно! (Означало – если выбросить дипломатические расшаркивания – ты рождена вне брака, чёрт знает от какой матери... Какая Франция? Знай своё место!)

Возможно, холодно-вежливый отказ Людовика XV (а заодно, и его брата, герцога Орлеанского) раз и навсегда заставил юную цесаревну (а впоследствии, и российскую императрицу) уяснить себе, что у России нет друзей – у неё есть армия и флот.

А армии и флоту надо помогать.

Тем более, если ты – дочь незаконная. Чтобы было, в случае (не приведи Господь!) чего, кому защитить...

И помогала.

Всю жизнь.

Даже Указ о закладке крепости она подписывала тяжело больная, в постели – умерла через десять дней – 25 декабря.

Вот так и получилось, что, собственно, последним деянием в жизни императрицы Елизаветы Петровны

стало основание крепости Святого Димитрия Ростовского.

Её рукой как бы выдано свидетельство о рождении будущей столице Дона.

То есть, фактически находясь при смерти, государыня-матушка успела дать жизнь маленькому посёлочку, который теперь, почти три столетия спустя, превратился в красавец-мегаполис.

А ведь могла и не успеть...

Могло Ростова-на-Дону и не существовать в природе...

Но – есть!

А если – ходят упорные слухи, – как собираются в верхах из него сделать конгломерат, включающий в себя Азов, Батайск, Аксай, Таганрог, Новочеркасск... то ли ещё будет, ой-ой-ой...

Никаким царям не снилось!

Лучше не думать.

Императрица здесь не была.

Утверждают, что она вообще не интересовалась страной и её географией, и до конца жизни была убеждена, что из России в Англию можно проехать сухим путём.

Ну, а с другой стороны, а зачем ей тогда Ломоносов, Разумовские, Шуваловы? Суворов, наконец?

Что «кадры решают всё», «Петрова искра» знала за двести лет до «кремлёвского горца».

...Сегодня бронзовая императрица стоит в одном из центральных парков города – в Покровском сквере.

В советское время носил он имя Кирова. Там же стоял и памятник Сергею Мироновичу.

20 октября 2005 года скульптуру партийного лидера сняли с постаментa и после реставрации перенесли на пересечение улицы Пушкинской и проспекта Кировского. Скверу вернули прежнее название – Покровский – в честь воссозданного храма Покрова Пресвятой Богородицы, разрушенного большевиками в 1930 году.

Кстати, мраморные детали храма в своё время были использованы для сооружения пьедестала памятника Кирову...

Теперь на месте Сергея Мироновича – Елизавета Петровна.

Через правое плечо государыни переброшена лента ордена Святого Андрея Первозванного, на левой стороне груди – Звезда ордена. Косой Андреевский крест, наложенный на двуглавого орла под тремя коронами, скрепляет ленту.

В правой руке императрица держит Грамоту.

А на Грамоте отчётливо читается начало текста: *«Божією милостію Мы Елисаветъ Первая, императрица и самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. На Дон в нижніе и верхніе юрты нашим атаманамъ и казакамъ. Войсковому атаману Даниле Ефремову...».*

Елизавета была затянута в корсет, поэтому осанка у неё была особенная. Для воссоздания царственной осанки, рассказывает автор, Сергей Олешня, он при-

глашал позировать ростовских актрис. Царственный изгиб руки тоже лепил с натуры.

Не все ростовчане приняли этот образ, он слишком тяжеловесный, но – проект именно этого памятника победил в общегородском конкурсе.

Наконец-то власти вспомнили о вкладе Елизаветы Петровны в развитие Донской столицы и приняли решение об увековечении этого в памяти потомков.

В Донской публичной библиотеке вниманию горожан были представлены шесть скульптурных композиций – произведения, которые из многих выбрал градостроительный совет. В течение нескольких месяцев ростовчане оставляли свои отзывы и пожелания о том, какой именно образ должен украсить исторический центр Ростова.

20 июня 2006 года специальная комиссия (в неё вошли архитекторы, историки и представители администрации города) подвела итоги.

Победил проект Сергея Николаевича Олешни – он известен как монументалист, создавший фигуры для шахматного королевства Кирсана Илюмжинова.

Идея об установлении этого памятника принадлежала атаману Всевеликого Войска Донского Виктору Водолацкому, который ещё четыре года назад поднимал вопрос о том, чтобы увековечить события, связанные с началом города. Идея была с одобрением воспринята общественностью и руководством города.

26 июня 2007 года императрица, основавшая Ростов, заняла своё почётное место в Покровском сквере.

Работа над созданием велась почти полгода. Выполнили её скульпторы Сергей Олешня и Анатолий Дементьев совместно с архитектором Владимиром Фоменко.

Параллельно с основной фигурой художники вылепили ленту горельефа, украшающего постамент: изображения исторических лиц, причастных к основанию Ростова, и обобщённые образы представителей разных сословий.

Воронежский и Елецкий архиепископ Арсений, атаман Ефремов, инженер Ригельман, генерал-майор Сомов... Всего – 20 изображений.

Она стоит лицом к Большой Садовой – центральной улице Донской столицы, между двумя храмами – православным Покровским и тем, который носит имя «храма искусств», – Ростовским музыкальным театром.

Правда, многим не нравится, что лицом-то она – к Садовой, а вот к Покровскому храму – спиной...

Но вот Сергей Олешня такое месторасположение для памятника «искре Петровой» называет попаданием в десятку, а свою работу над проектом не иначе как счастьем:

- Елизавета Петровна – масштабная личность. А жители нашего края обязаны ей тем, что есть такой замечательный город – Ростов-на-Дону.

Именно Елизавета подписала Указы о закладке и Темерницкой таможни, и крепости Святого Димитрия Ростовского. Если Пётр Великий основал Северную Пальмиру – Санкт-Петербург, с выходом в северные моря, то Елизавета продолжила отцовское дело, дав импульс к росту ещё одной Пальмиры – южно-

русской, укрепляющей Россию на выходе к южному морю.

Её главный дар как политика заключался в том, чтобы ставить на важнейшие государственные посты умных людей.

Она покончила с бироновщиной, облегчив продвижение по службе национальным кадрам. Взойдя на престол, Елизавета пообещала, что в её правление не совершится ни одной смертной казни, и обещание исполнила.

...В царствование Елизаветы Петровны после долгих лет стагнации начала оживляться российская экономика. Учреждались банки, перевооружалась армия.

Буквально в те дни, когда открывали памятник, Сергей Олешня неожиданно узнал, что награждён золотой медалью фонда Андрея Первозванного и принят в членкоры Российской Академии художеств.

- Между прочим, Российская Академия художеств была основана тоже при Елизавете, - подчёркивает скульптор.

За время работы художники настолько сроднились с ней, что ласково называли императрицу просто «Лизой».

- Почему Лиза? Ну, уменьшительное от Елизаветы, - улыбается Дементьев. - Кто знает, может теперь молодёжь будет собираться не «у Кирова», а «у Лизы»...

Гранитный постамент для «Лизоньки» изготовили на Украине. Вес – примерно 50 тонн. Высота – 3,7

метра. Сам памятник, включая фигуру императрицы, горельефы, оклады и указы, весит около 3 тонн.

Роста в бронзовой, увенчанной короной Елизавете 3 метра 20 сантиметров. Да ещё постамент – на два вершка выше. Общая высота – более 7 метров. В итоге – почти, как памятник Святому Димитрию Ростовскому на Соборной площади.

Заметная, словом, фигура.

- От первоначального замысла не отошли ни на йоту, - рассказывал в 2007 году автор проекта. - Как и задумывалось, этот памятник выполнен в полный рост. Одной рукой императрица как бы показывает на место, где будет находиться крепость, а в другой руке держит Указ об учреждении Темерницкой таможни.

Лепку начали в январе этого года, работали по 20 часов в сутки. Когда в среднем такая работа занимает от года до трёх лет.

- Мы обратились к ректору строительного университета, чтобы сделать работу в их литейном цехе. Но всё равно не успевали. Попросили помочь литейную мастерскую братьев Костевых, - рассказывал Валерий Тарасенко – руководитель мастерской художественного литья Ростовского государственного университета, где проходила отливка. - Такого в Ростове ещё не было: монумент, работа над которым должна была занять не меньше года, был создан за четыре с половиной месяца! Вместо возможных 15 человек над памятником работали 69. Засыпали на ходу, прямо на лесах... Болели руки, спины. Нам даже студенты помогали, накидывали глину на каркас.

На отливку ушло два месяца. 16 литейщиков использовали технику патинировки, чтобы приглушить золотой блеск бронзы и создать эффект старины.

К тому времени в Ростове уже стояла сумасшедшая жара, но литейщики работали не покладая рук.

На заметку: бронза плавится при температуре около тысячи градусов.

- Ребята выбегали из цеха на улицу и с облегчением вздыхали: уф, как хорошо, прохладно! А на улице – под сорок, – улыбается скульптор-форматор Анатолий Мусиенко.

Спешка с установкой памятника была вызвана желанием городских властей прибраться и украсить центр города в преддверии приезда на Госсовет Президента Владимира Путина и многочисленных высокопоставленных гостей.

Как всегда...

Слово Александру Кожину, председателю Общества охраны памятников Ростовской области:

- Символично, что памятник установили именно в Покровском сквере. Как показали недавние раскопки, здесь находилось первое кладбище Ростовской крепости, затем была построена деревянная церковь.

В начале прошлого века ростовчане решили воздвигнуть каменный собор, который бы по своим масштабам превосходил нынешний кафедральный. Увы, в 30-е годы всё было разрушено и, как тогда было модно, установлен памятник Кирову.

Многие не знают, что он простоял до войны, был разрушен, после чего скульптура была заново отли-

та. Киров благополучно занимал своё место вплоть до начала восстановления Покровского храма. Отрадно, что памятник достойно перенесли на угол Кировского и Пушкинской. Кстати, тогда выяснилось, что скульптура никак не была закреплена. Зато сейчас Киров стоит надёжно, унести невозможно.

А то, что Елизавета будет стоять спиной к храму, ничего. На мой взгляд, споры вокруг этого – обычная риторика.

Рассказывают, что как-то Елизавете Петровне подарили роскошную брошь в виде пятиконечной звезды. Государыня её очень любила, считала в какой-то мере символом, параллелью своей жизни – до собственного царствования довелось пережить ещё пять....

Но была у Елизаветы Петровны Романовой; осталась после неё; пережила почти трёхсотлетнюю историю – жесточайшие войны, революции, пятилетки, перевороты – и стала много краше, ещё одна звезда.

Возможно, императрица об этом и не задумывалась.

Ещё одна звезда, девятиконечная – крепость Святого Димитрия Ростовского – вечный императрице поклон.

Первый(!) во всей II мировой войне город, сумевший остановить гитлеровские полчища.

Столица Юга России.

Город Воинской Славы.

Ростов-на-Дону.

...Вот такая Звезда Елизаветы.

Меньше века прослужила крепость.

Но память о ней сохранилась на городском гербе.

Зубчатая башня с Андреевским флагом подчёркивает роль Ростова как *«преграды, поставленной от набегов соседственных хищных народов»*.

Справа – трофеи русских войск: кольчуга, шлем, лук и стрелы.

*

Книга «По предписанию Императрицы» рассказывает об истории зарождения и дальнейшем становлении Донской столицы.

СЛОВАРЬ

Бастион – пятистороннее долговременное укрепление, возводившееся на углах крепостной ограды.

Контрэскарп – искусственно срезанный под большим углом край склона или берега реки высотой не менее 2 – 2,5 м, обращенный передней частью к обороняющемуся.

Кронверк – наружное вспомогательное укрепление, служившее для усиления крепостного фронта и состоявшее из одного бастиона и двух полубастионов на флангах, придававших ему вид короны.

Лава – стремительная казачья атака.

Негоциантство (коммерция) – торговля.

Пакгауз – склад.

Прам – плоскодонное артиллерийское парусное судно XVIII века.

Равелин – фортификационное сооружение треугольной формы, располагавшееся перед крепостным рвом в промежутке между бастионами.

Редан – открытое полевое укрепление.

Редут – укрепление сомкнутого вида, обычно земляное, с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны.

Ретрашемент – внутренняя оборонительная ограда, сооружаемая в крепостях

Укрывище – скальная или земляная пещера обычно естественного происхождения.

Форштадт – предместье города.

Эллинг – помещение для постройки или ремонта судов на берегу.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Аваков П. Ростов не сразу строился... // Кавказские зори. – 2004. – № 4. – С. 14.

Антипова О. Тайны ростовских улиц. // Ростов официальный. – 2004. – 1 сентября. – С. 15.

Вартанов Э. Ростов и Христос родились 7 января. // Газета Дона. – 2003. – 9 января. – С. 8.

Васильева Л. Жёны русской короны. М.: «Атлантида XXI век», 1999.

Гнутов В. Поэт в краю степей необозримых. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985.

Гуржиева И. Дом – памятник братьев. // Культура Дона. – 2003. – № 9. – С. 6.

Донские страницы. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985.

Историческая энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия», 1978.

Лысенко В. Понимаем ли мы, что говорим? // Наука и религия. – 2009. – № 1. – С. 21.

Лобахина Ю. Ростов – город с удивительной историей и удивительными легендами. // КП-на-Дону. – 2008. – 25 сентября. – С. 24.

Лобахина Ю. Ростовские купцы покупали дворцы в Неаполе и снабжали императора табаком. // КП-на-Дону. – 2008. – 24 июля. – С. 17.

Малышева С. В Ростове установили памятник императрице Елизавете. // Домашняя газета. – 2007. – 27 июня. – С. 3.

Моложавенко В. Тайны донских курганов. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1967.

Семёнова Т. Я влюбился в «Лизоньку». // Газета Дона. – 2007. – 3 июня. – С. 27.

Смирнов В. Загадка нашей крепости. // Вечерний Ростов. – 2006. – 13 января. – С. 4.

Смирнов В. Напротив редакции «Вечернего Ростова» царь Пётр разбил палатку. // Вечерний Ростов. – 2005. – 30 марта. – С. 4.

Смирнов В. Сам покровитель торговли Гермес распротёр над Ростовом крылья. // Вечерний Ростов. – 2004. – 10 сентября. – С. 4.

Смирнов В. Суворов: «Я приехал на донском скакуне». // Дон. – 1999. – № 5. – С. 16.

Суичмезов А. Родная Донщина. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1977.

У нас служил Ушаков и венчался Суворов. // Новая городская газета. – 2002. – № 48. – С. 11.

У Ростова есть прошлое, но его не видно. // Новая городская газета. – 2003. – № 34. – С. 5.

<http://adjutant.ru/suvorov/lopatin06.htm>

http://kz44.narod.ru/suvorov_kaz.htm

http://forum.webrostov.ru/wr_forum_afisha/3541551

http://rostov.rsu.ru/for_don/for_don.htm

<http://rostov.rsu.ru/nahich/nahich.htm>

http://www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_19_136.html

http://www.ourt.ru/rubrika2.php?row_id=1271

<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu->

<http://www.rustrana.ru/article.php?nid=18651>

<http://www.tatar-inform.ru/news/2007/06/27/62604/>

<http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/19.html>

<http://www.7c.ru/Valch/1001.html>